

Наталья Громова

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Судьба Сказочника
в эпоху Дракона

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

Наталья Громова

**Евгений Шварц. Судьба
Сказочника в эпоху Дракона**

«Издательство Ивана Лимбаха»

2026

УДК 821.161.1 «19»
ББК 83.3 (2=411.2) 6-8

Громова Н. А.

Евгений Шварц. Судьба Сказочника в эпоху Дракона /
Н. А. Громова — «Издательство Ивана Лимбаха», 2026

ISBN 978-5-89059-597-3

Евгений Шварц (1896–1958) писал сказки, которые были гораздо реалистичнее советских романов. В пьесах «Тень» (1940) и «Дракон» (1944) он проникательно раскрыл природу рабства. В эпоху разрывов и потерь говорил о дружбе, любви, надежде так, что становилось легче дышать. Смеялся над насмерть перепуганными современниками и в то же время жалел их, оплакивая их души. Кем он был на самом деле? Насмешником или мудрецом под маской шута, который, переворачивая повседневные слова и смыслы, видел жизнь яснее многих? Шварц принадлежит к тем немногим художникам, кто сумел пронести через мрак своего времени внутренний свет — и подарить людям надежду на исцеление. Наталья Громова — прозаик, историк литературы. Автор книг «Смерти не было и нет. Ольга Берггольц», «Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945», «Странники войны. Воспоминания детей писателей. 1941–1944» и др. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1 «19»
ББК 83.3 (2=411.2) 6-8

ISBN 978-5-89059-597-3

© Громова Н. А., 2026
© Издательство Ивана Лимбаха, 2026

Содержание

От автора	6
Библиография	7
Пролог	8
Начало [1]	10
Изгнание из рая	14
Майкоп – родина души	17
Московская тоска	23
Где был Евгений Шварц во время Гражданской войны?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Громова
Евгений Шварц
Судьба Сказочника в эпоху Дракона

*Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на
какие препятствия.*

е. а. баратынский – п. а. плетнёву

© Н. А. Громова, 2026

© А. Л. Бондаренко, макет, 2026

© А. А. Кравченко, оформление обложки, 2026

© Издательство Ивана Лимбаха, 2026

От автора

Предполагалось, что эта книга станет совместным трудом двух авторов – Татьяны Сергеевны Поздняковой и Натальи Громовой. Однако Татьяна Сергеевна успела завершить лишь три главы этой книги. В начале 2025 года её не стало...

Светлая ей память!

Я выражаю признательность Нонне Басмановой за неоценимую помощь в работе с архивами. Без её участия эта книга не смогла бы состояться, поскольку в силу известных обстоятельств я больше не имею возможности лично работать с архивными материалами.

Елене Лурье – другу, редактору и внимательному читателю моих рукописей. Без неё мои тексты были бы иными. Борису Белкину – спутнику жизни, критику, требовательному редактору.

Ольге Кромер за её замечания и помощь в создании этой книги.

Благодарю Вячеслава Верховского за предоставление новых сведений об Эстер Паперной, а Татьяну Хейн о Софье Богданович.

Цитаты из пьес Евгения Шварца, из опубликованного корпуса дневников, из книги Евгения Биневица «Евгений Шварц. Хроника жизни», из переписки Евгения Шварца не сопровождаются ссылками в комментариях. Эти книги указаны в списке библиографических источников.

Подстрочными комментариями сопровождаются неопубликованные материалы, воспоминания о Евгении Шварце и ссылки на иные документы.

Книга не претендует на полное жизнеописание драматурга и писателя Евгения Шварца, скорее это попытка понять логику его судьбы, через дневники приблизиться к источникам и прототипам героев его замечательных пьес.

Библиография

- Евгений Шварц. Живу беспокойно... Из дневников. М.: Советский писатель, 1990.
- Евгений Шварц... Я буду писателем. Дневники. Письма. Сочинения. Т. 1. М.: Корона-принт, 1999.
- Евгений Шварц. Предчувствие счастья. Дневники. Произведения 20-х–30-х годов. Стихи и письма. Сочинения. Т. 2. М.: Корона-принт, 1999.
- Евгений Шварц. Бессмысленная радость бытия. Произведения 30-х–40-х годов. Дневники и письма. Т. 3. М.: Корона-принт, 1999.
- Евгений Шварц. Позвонки минувших дней. Произведения 40-х–50-х годов. Дневники и письма. Т. 4. М.: Корона-принт, 1999.
- Евгений Биневи́ч. Евгений Шварц. Хроника жизни. СПб.: Петрополис, 2008.
- Из переписки Е. Л. Шварца. 1913–1958. Сост. Биневи́ч Е. СПб.: Петрополис, 2016.
- Воспоминания о Евгении Шварце. Сост., подг. текстов и комм. Биневи́ча Е. СПб.: Петрополис, 2014.
- Личный фонд Евгения Шварца: РГАЛИ. Ф. 2215.

Пролог

В начале 1943 года Евгений Шварц написал: “Бог поставил меня свидетелем многих бед”.

В темные времена привычные понятия становятся нечёткими и размытыми: добро бывает трудно отличить от зла, а правду от лжи.

Тени и Драконы правят странами и государствами. Голый король бесстыдно выступает перед своими подданными.

Гибель героя, восставшего против жестокой власти, оказывается обыденной и порой никем не замеченной. Нужен ли его подвиг людям?

Что должен делать художник в такие годы? Молчать? Говорить? Писать? Сжигать написанное?

Талант, данный свыше, не ждёт лучших времён – он должен говорить сегодня.

В 1956 году в прологе к “Обыкновенному чуду” автор говорит: “Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь”.

Шварц писал фантастические истории, и они оказывались реалистичнее советских романов. Во времена, когда разрывались связи между людьми, он в своих пьесах сделал главными темами верность, преданность, любовь, дружбу. Пьеса “Снежная королева” была написана в страшном 1938 году, и со сцены звучали слова: “Что враги сделают нам, пока сердца наши горячи? – Да ничего!”

И хотя это было преувеличение, ведь с человеком тогда могли сделать всё что угодно, такие слова были необходимы, они придавали сил, утешали, внушали надежду. Без них было бы просто невозможно дышать.

В пьесе “Тень”, которую играли в театре Николая Акимова в 1940 году, один из героев говорил: “Хорошие люди всегда побеждают, в конце концов... Но некоторые из них иногда погибают, не дождавшись победы”. Горькая авторская ирония окрашивала даже благополучный конец. Не все хорошие люди дожили до этих перемен.

“А вы, друзья, как ни садитесь, только нас не сажайте!” – грустно шутил Евгений Шварц по поводу очередных перестановок во власти.

Шварц не был ни героем, ни храбрецом... Боялся за близких, боялся за себя, за то, что вдруг не выдержит допросов и оговорит кого-то. Он, как и многие его современники, готовился к аресту.

“Пишу всё, кроме доносов”, – отшучивался порой.

На вопрос, почему вдруг посадили такого и такого-то, отвечал лаконично: “Знаю, но не скажу”.

В 1943 году Евгений Шварц закончил самую смелую свою пьесу – “Дракон”. Поскольку природа тирании везде одинакова, показав в сказке диктатора, он одновременно попал и в Гитлера, и в Сталина.

Как скажет другой писатель, он “угадал”.

Шварц сумел пророчески изобразить не только самого деспота, но и растрепанный им народ. Задолго до Ханны Арендт он показал в “Драконе” “банальность зла” – его обыденное, повседневное лицо.

Кем же он был на самом деле? Остроумцем, насмешником, сатириком или мудрецом под маской шута?

Его современники пытались найти ответ на этот вопрос, но загадка Шварца и сегодня остаётся неразгаданной.

У Г. К. Честертона можно прочесть, что святой Франциск Ассизский называл своих духовных братьев “жонглерами божьими” (аллюзия на средневековую легенду о “жонглере

Богоматери”). По Честертону, веселящий публику, дурачащийся жонглер (он же шут и акробат, то и дело встающий на голову) видит хоть и перевернутую картину мира, но в гораздо больших подробностях, чем открывает обыденный взгляд. Сам Франциск Ассизский, переживший в юности духовный переворот, видел мир в его потаенной полноте, понимал и любил всё живое и даже говорил на одном языке с растениями, птицами и зверями. Что-то похожее можно сказать и про Евгения Шварца – и дело не только в трогательном общении его героев с животными. Шварц всегда чувствовал своё призвание, но долгое время не понимал его сущности.

Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели.
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.

Начав свой путь как шутник и пересмешник, острая и переворачивая привычные сюжеты и представления, Шварц всё дальше уходил по дороге честертоновского жонглера, духовного брата Франциска Ассизского, не признающего земных законов в свободе своего служения. Не будучи ни профессиональным философом, ни записным храбрецом, он проникал в такие глубины человека и мироустройства, о которых в доставшиеся ему времена было страшно и подумать.

Начало ¹

– “Камни – это воспоминания. Это прошлое. А вот бежит ручей – это сегодня, это настоящее. И ветер. И деревья. И всё, что шевелится” ², – запись из неопубликованного дневника Евгения Шварца за 1949 год.

Дневниковые записи в амбарных книгах идут, заполняя страницы почти сплошь. Из-за тремора руки отдельные слова остаются неразборчивыми. “Дни так бегут, так сливаются в одно, так быстро летишь под горку”.

Жизнь уходит, пусть хоть что-то останется от сегодняшнего дня – встречи, мучительные попытки работать, скука в Союзе, “бессмысленная радость бытия”, беспричинная тоска...

И практически без абзацев, неожиданно – оглядка, вхождение в “колею”. Оглянуться – воскресить то, что пережил когда-то. И учиться писать, чтобы рассказать о виденном и пережитом.

Сегодняшнее так и осталось в основном в рукописи, а воспоминания разошлись по разным публикациям.

“Да, камни – воспоминание. Именно поэтому они разъединены. Отрывочны. Мы тоже помним то день, то минуту, редко-редко месяц подряд”. Запомнился отдельный миг, но он “неразрывно связан с целым долгим периодом, который окрашен ясно и существует рядом с тем, что пережито сегодня”.

“Я пробегаю, зажмурившись, наполненный мерцающей тьмой зал и бросаюсь на шею маме. Это было в 1902 году”.

И сразу: “А сегодня, в пятидесятом, был солнечный день”.

Или: “Были актеры. Играли с Катей в карты. Пишу, а дождь все льет”.

В 1952 году он пишет в дневнике: “На этих днях я шел по Комарову. Чинилась линия. И вот – было это, примерно, часа в три, и солнце сияло всюду – вспыхнули на высоких столбах уличные фонари. И разом, не успев понять почему, ощутил я радость, точнее, предчувствие радости. И только через несколько мгновений понял я, что предчувствую начало сеанса в электробиографе братьев Берберовых”.

Чаще ассоциации не столь прямые. 26 декабря 1950 года напишет про пустую суету сегодняшнего дня, про то, как на юбилее Прокофьева случайно увидел: Михалков ловит взгляд Фадеева. И вдруг продолжение записи: “В Екатеринодаре я услышал разговор, который нанес рану моей душе...”

Запись, оставшаяся неопубликованной, о тяжелой бессоннице из-за дочкиных неприятностей в университете и о том, как после обеда провалился в тяжелый сон: будто мама рассказывает ему по телефону, шепотом, чтобы отец не услышал, что плохи дела у брата.

“Плохи?” – ‘Ужасны’, – шёпотом отвечает мама”. Шварц понимает, что брат Валя опять студент и плохи его студенческие дела.

Пробуждение связано с мыслью – скрыть это от папы.

“А, да, папа умер, – вспоминаю я, почти проснувшись, – но ведь мама жива, жива... – и, только очнувшись совсем, понимаю, что и мамы нет на свете. <...> Я не видел, как умерла мама и, очевидно, в глубине души не уверен в её смерти. Этот мучительный телефонный разговор совсем, повторяю, растревожил меня” ³.

¹ Главы до страницы 44 написаны Татьяной Сергеевной Поздняковой.

² РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 50.

³ РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 50.

Убедиться, что не умерло, что живо то, что осталось в памяти, что направило его собственную колею – затем и пишутся воспоминания. Это основной источник нашего знания о начале жизни Евгения Шварца.

Шварц в дневниках практически каждый год отмечал: в 1943-м – “Мне исполнилось сорок шесть”, в 1947-м – “Сегодня мне исполнилось пятьдесят”, в 1950-м – “Ну вот и проходит пятьдесят четвёртый день моего рождения”. А в 1951-м оглянулся назад: “В октябре 1904 года исполнилось мне восемь лет”. Помнил, что в тот день получил в подарок “Рыжик” Свирского и “Капитана Гаттераса” Жюль Верна...

Родился Евгений Львович Шварц в октябре 1896 года. По старому стилю 9-го, по-новому – 21-го. Родился в Казани, где его отец Лев Шварц получал в университете профессию врача, а мама Мария (урождённая Шелкова) училась на акушерских курсах.

Евгений был их вторым сыном. Первый в шесть месяцев умер от детской холеры.

В 1947-м Борис Эйхенбаум, после своей поездки в Казань, привезёт Евгению Шварцу весть о том, что дело его отца сохранилось в архивах университета. Евгений Львович переписал в свой дневник текст из книги “Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет” (1804/5 – 1929/30)⁴: “Лев Борисович (Васильевич <по крёстному отцу>), еврей, сын мещанина.<...> В 1892 г. зачислен на медицинский факультет Казанского университета, причём ректор предложил инспектору студентов учредить за Шварцем ‘особо бдительный надзор’ ввиду данных, изложенных в характеристике Екатеринодарской гимназии. В характеристике говорилось, что Шварц в бытность в VIII классе ‘точно переродился, стал раздражителен, дерзок, запальчив, начал выказывать недовольство на гимназические порядки, был замечен в дерзком отношении к старшим’. В 1896 г. Шварц крестился в связи, по-видимому, со скорой женитьбой на православной (М. Ф. Шелковой). В 1898 г. Университет окончил”.

Разглядывая на 185-й странице фотографию отца, Евгений Шварц добавил в дневник: “...совсем мальчик, с очень славным, мягким выражением. Отец умер в 1940-м и не знал об этой книге. И мама тоже. Жалко”.

В каникулярное время Шварцы ездили из Казани или к маминым родителям в Рязань, или к папиным, в Екатеринодар. В Рязань – чаще, там ведь дом, который мама любила, а Женя был бесконечно привязан к маме. Её любовь к дому Шелковых воспринимал как собственную.

К родственникам мужа Мария Федоровна относилась напряжённо. В Екатеринодаре предпочитала у них не останавливаться, снимать неподалёку квартиру.

Вспыльчивая нервная бабушка не ладила с самолюбивой неуступчивой Жениной мамой. Ссоры бывали бурные и столь частые, что мальчик принимал их как данность – видно, так и положено в жизни – не быть свекрови с невесткой в мире.

Дед – Борис Шварц, владелец мебельной мастерской, к внукам всегда с лаской, а вообще в обиходе суров и молчалив, за что у соседей получил прозвание “англичанин”. А дети его и жена были очень горячими. Чувств своих екатеринодарская бабушка сдерживать не привыкла. Женя знал явление “столь же обыденное, как дождь или ветер: ‘У бабушки истерика’”. “Бабушка, окружённая сыновьями, которые её уговаривают и утешают, вертится на месте, за-ткнув уши, ничего не желая слушать, повторяя: ‘Ни, ни, ни, ни!’”.

Зато большая семья Шелковых, как вспоминал Евгений Шварц, хоть и ютилась в тесной квартире, вообще слыла весёлой – все любили насмешничать, разыгрывать, вышучивать друг друга. Странно, но, судя опять же по записям Шварца, его мать была человеком отнюдь не лёгким, к весёлым розыгрышам не склонным.

⁴ Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет (1804/5 – 1929/30). Казань, 1930. С. 204.

Дедушка Федор Шелков – рязанский цирюльник в давнем смысле этого слова, он не только брил и стриг, но и зубы рвал и, случалось, заменяя лекаря, отворял кровь. На окне его цирюльни шевелились в банке чёрные пиявки. Оказывается, Шелковым он стал, взяв фамилию жены, а прежде назывался Ларин. Евгений Шварц не сразу разобрался в этой непонятной истории: дело в том, что дед был незаконнорождённым сыном рязанского помещика Телепнева и, верно торопясь забыть о неправильности своего происхождения, отбросил придуманную для него фамилию Ларин.

И в той и в другой семье по семь детей. И Шварцы, и Шелковы дали своим детям образование. Шварцы к тому же приглашали в дом учителей музыки.

Во время Жениного детства Лев Борисович часто играл на скрипке. Но маленькому Жене интереснее всего была не отцовская музыка, а чёрный деревянный футляр, который он осторожно открывал в отсутствие отца. С восторгом тихонько трогал струны и вдыхал запах канифоли...

Почти все Шварцы и Шелковы с увлечением участвовали в любительских спектаклях. Отец – всё больше в трагических ролях. Мама – в характерных. Но потом она долго пребывала в удрученном настроении, не веря похвалам и своему успеху.

Кстати, истерики екатеринодарской бабушки – может, они тоже в какой-то степени из области театра, своеобразной домашней игры, помогающей разрешить семейные ссоры?

Маленький Женя часто играл в бабушкины истерики – вертелся вокруг себя, приговаривая: “Ни, ни, ни...” Другая любимая игра появилась после того, как по настоянию русской бабушки – маминой мамы – повели его в церковь, к причастию. Там священники в светлых ризах пели, взмахивая кадилами. И он дома величественно поворачивался в разные стороны, взмахивал воображаемым кадилом и тоже что-то пел...

В екатеринодарском доме двухлетний Женя впервые увидел двоюродного брата Тоню – своего ровесника. В его воспоминании об этом знакомстве вместились стулья (очень высокие!), на которые посадили малышей, Тонина шапочка с помпоном, шоколадные плитки в руках у каждого, да ещё “с фокусом” – нужно суметь дернуть за язычок, и собачка, украшающая обёртку, откроет глаза...

В детстве братья Евгений и Антон Шварцы будут общаться нечасто, потом судьба сблизит их. Но об этом дальше. А пока ещё об одной детской встрече.

Однажды в дедушкином саду подростки мальчики беседовали о Боге. Женя, в те времена истово верующий, да ещё и обладавший незаурядным воображением, рисовал перед братом страшные картины ада.

“Тоня спросил робко: ‘А если еврей хороший человек, то он может попасть в рай?’ Я твёрдо ответил: ‘Конечно может!’ Я не мог допустить, что хорошего человека за что бы то ни было можно наказывать вечными муками. И тут нас позвали чай пить. Тоня, после моего ответа сосредоточенно молчавший, сказал, когда мы перелезали через забор: ‘Этим ты меня значительно успокоил’”.

...Подмосковный город Дмитров, куда после окончания университета получил назначение отец, Евгению Львовичу Шварцу почти не запомнился – прожили они там совсем недолго. Как-то мама разбудила его, двухлетнего, и сказала: “Не пугайся, мы поедем кататься”.

Поехали вслед за арестованным отцом, сначала в Казань, потом в Москву.

В Госархиве Краснодарского края хранятся документы Кубанского областного жандармского управления, где сообщается, что Л. Б. Шварц, состоя студентом университета, как выяснилось, занимался “преступной пропагандой среди рабочих Алафузовских фабрик в городе Казани. Посему и был “привлечён при Казанском губернском жандармском управлении к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 251, 252 и 318 ст.”. Несколько месяцев тюремного заключения, а затем, согласно высочайшему повелению 5 июля 1900 года, подчинение Л. Б. Шварца “гласному надзору полиции в избранном им месте

жительства, но вне столиц, столичных губерний, университетских городов и тех местностей фабричного района, в коих пребывание его будет признано Министерством внутренних дел нежелательным, – на три года”.

Стала колесить семья по Южной России и Украине – Ахтырь на Азовском море, Белёв, Мариуполь... Вокзальные буфеты, поезда, мелькание чужой жизни...

Годы спустя в вагонах дачной электрички (Ленинград – Комарово) Евгений Шварц будет фиксировать в своём дневнике сюжеты оборванных романов, грустных, смешных, странных, страшных...

Изгнание из рая

Ещё какое-то время оставалось Жене жить в раю.

В 1950-м Евгений Шварц сам себе попытается объяснить, что же такое рай: "... в раю ты, глядя на воду, станешь водою, не исчезая, и, глядя на летящего лебедя, ты станешь лебедем, коли того захочешь. ...Когда летящая птица увидит, что и ты стал ею, она не дрогнет... не прекратит полёт, а только порадует. И ты будешь лететь навстречу себе с земли. Неудача и удача будут равны в раю. Там всё поправимо, всё можно начать сначала".

Оглядываясь на собственное раннее детство, он понимал то, что тогда ощущал бессознательно, – с мамой они неразделимы, он и мама вместе – это и есть рай.

Возможно, из-за смерти первого ребёнка она боялась оставить Женюручку (он любил, когда мама его так называла) хоть на минуту. Может быть, поэтому он и не запомнил своих нянек.

Первое, что он видел, открывая утром глаза, было мамино лицо. И как он был счастлив, когда она сидела с ним, пока он засыпал.

Друзей тогда он ещё иметь не умел, к часто меняющимся домам не привязывался. Домом его был тот, где была его мать. Всё и всех заменяла ему мать – были они дружны необыкновенно.

Они жили одной жизнью, она думала и чувствовала вместе с ним, угадывала его мысли. Он ничего не хотел скрывать от неё, не все чувства свои умел высказать, но она всегда приходила к нему на помощь.

Он во всём ей верил. Восхищался теми, кого она хвалила. Готов был, не задумываясь, осуждать тех, кого она не одобряла.

Однажды, гуляя, они увидели четырёхлетнюю Милочку Крачковскую, собирающую цветы. Любуясь сверкающим нимбом её волос, её строгими огромными серо-голубыми глазами, мама, задумчиво качая головой, произнесла: "Подумать только, что за красавица". Не от этой ли её фразы придёт к подростку Евгению Шварцу его первая любовь?

Как-то в городе они увидели цирковое шествие: кони, верблюды, клоуны... Во главе – две амазонки в цилиндрах. Женя готов был задохнуться от восторга, но, бросив взгляд на маму, увидел, что она смотрит на всё это с осуждением: "Наездницы, накрашенные, грубо намалеванные..." Он потом целый день повторял эти её слова знакомым.

Открыв газету, мама сказала с горечью: "Дрейфус опять осуждён". У пятилетнего Жени сжалось сердце, и он воскликнул почти с ужасом: "Да что ты говоришь?!" Отец рассердился на него за притворство. Но мальчик не притворялся, он просто был неразделим с мамой: она сказала с горечью – у него и сжалось сердце.

Мама распечатала письмо из Рязани и расплакалась: "Дедушка умер!" Женя, уткнувшись в её колени, тоже горько заплакал. Она заглянула ему в лицо и спросила: "Ты разве помнишь дедушку?" Он помнил, но плакал потому, что плакала она.

А в его раннем детстве мама бывала весела. И на шестом десятке, чтобы утешиться, он будет записывать в дневник свои мечты о том свете, где она дожидается его, а потом, молодая и веселая, встречает в раю, наклонившись и глядя вниз на него, как сто лет назад смотрела на маленького.

К нему, маленькому, она относилась со страстной заботливостью. Забота иногда принимала у неё какую-то болезненную форму – она не могла заснуть всю ночь, если он, как ей показалось, плохо поел за ужином.

Из послушного сына она готова была просто веревки вить – он ненавидел, он боялся сказок с плохими концами. Мама буквально терроризировала Женю, требуя, чтобы он съел котлету: "Доедай, а то все утонут". Он доедал...

(ЭМИЛИЯ в “Обыкновенном чуде” рассердится на Волшебника: “Стыдно убивать героев для того, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных. Терпеть я этого не могу”.)

Она любила с ним играть. Иногда её игры пугали. “Мальчик, вы чей?” – спрашивала она, будто не была его мамой. Он понимал, конечно, что она шутит, ну а вдруг и правда не знает, как сюда он попал? Мама боялась его отчаянного плача – начинала его успокаивать, и вот они уже вместе смеялись.

Когда он не радовал её своим поведением, она говорила, что сейчас за ней прилетит ангел, и исчезала. Он метался в жутком страхе, наконец обнаруживал, что в этот раз ангел уронил её в шкаф...

Случилось, он потерял маму на улице. На всю жизнь запомнилось чувство ужаса и одиночества.

Во взрослой жизни, если кто-то из близких вдруг потеряется в толпе или шутя спрячется от него, его тут же ударит прежний ужас, как будто маму снова уносит ангел...

Во время прогулок мама часто присаживалась отдохнуть на скамейки. Как-то объяснила, что у неё порок сердца – болезнь, от которой можно умереть. Он заткнул уши, но боль от этих слов разрослась в мучительное беспокойство, терзала мысль, что, если она умрет, он больше не увидит её никогда. “Ни завтра, ни послезавтра – никогда!” Сколько раз он бросался на поиски мамы, запоздавшей к ужину!

Нет, райское детство не безмятежно, но, как и полагается в раю, “всё было поправимо, всё можно начать сначала”.

Мамой была полна вся его жизнь. Пока... не случилось изгнание из рая. Началось это с младенческого крика. Жене показалось, что кричит дикая цесарка. Но кричал его новорождённый брат – красный, туго запелёнутый, лежащий на мамином животе крошечный Валя.

В сентябре 1950-го Евгений Шварц встретит Валентина на Невском (они, взрослые, виделись друг с другом редко), с болью ощутит его боль, запишет в дневник, что Валя утомлён, постарел, озабочен.

А ведь в детстве Женя его ненавидел. Нет, это случилось не сразу – сначала он был в восторге от такого события, звонил в дверь соседям: “Откройте поскорее, новый Шварц родился”.

Вскоре почувствовал, что “новый Шварц” заслонил от него маму – она принялась растить теперь этого ребёнка со всей силой своей безумной любви. Женя в неполные шесть лет не смог простить ей той части её сердца, которую она безоглядно отдала младшему сыну. Он вознегодовал: “Жили, жили, вдруг – хлоп! Явился этот”.

Невольное мамино раздражение, с которым она теперь иногда разговаривала с подрастающим Женей, он стал приписывать собственному несовершенству.

В 1950 году Евгений Львович Шварц оставит в дневнике запись: “Но думаю, для Вали, может быть, бесполезна была эта моя ненависть. Его не коснулась изнеживающая, райская атмосфера, в которой я рос первые годы. Не пережил он и изгнания из рая и связанного с этим изгнанием чувства вины, которой не можешь понять”.

Во время войны, в 1943-м, Шварц напишет для детей сказку “Два брата”. О том, как Старший пообещал родителям, уезжавшим в город за новогодней елкой, побыть Младшему вместо отца, но увлекся “Приключениями Синдбада-морехода”... Младший скучал, томился и просил брата: “Поиграй со мной, пожалуйста”. Старший терпел-терпел, потом схватил его за шиворот, крикнул: “Оставь меня в покое!” – и вытолкнул во двор, в тёмную ночь. И попал Младший в плен к злому прадеду Морозу... Сказка страшная, но, конечно, со счастливым концом.

...Изгнанный из рая, ошеломлённый одиночеством и неожиданно обрушенной на него пустотой, мальчик подрастал. Сперва негодовал и рвался назад в счастливую, ласковую жизнь. Потом решил, что не пускают туда по собственной его вине – он этого рая просто-напросто недостоин.

Достаточно жёсткую оценку, без всяких сантиментов, без снисходительной улыбки, спустя годы даст этому мальчику в дневнике Евгений Шварц: “Вспыхнуло воображение, а разум отстал, несмотря на чтение запойное и беспорядочное... А воли и вовсе не было. Я понимал, что веду себя не так, как положено, но своими силами выбрать линию поведения не мог. Я кричал, когда сердился, и плакал, когда огорчился, как маленький, хоть и понимал уже, что это мне не по возрасту”.

Неудобный подросток, он грубил матери, вступал в глупые пререкания с отцом, изводил младшего брата. Нетерпеливый в общении со сверстниками, неловкий, он часто лез в драку. Бывал неудержимо говорливым, рассыпал шутки, заражал всех своим безумным весельем. Мучительно хотел нравиться – приобрел привычку заглядывать в лицо тем, с кем вступал в разговор. Казался очень общительным, открытым, весь как на ладони – обманчивое впечатление.

Никто и не подозревал, что весельем, шумом, неумными речами он скрывал границу, за которой оставалось нечто, никогда и никому не проговоренное, что берег он внутри себя “тайные мечты”, “тайные мучения”...

Игра, невидимая другим, во многом оставалась содержанием его жизни. Ему уже восемь, а он дружит с целой армией маленьких человечков. Они живут у него под одеялом, он оставляет им место, закутываясь на ночь. Живут счастливо, едят сладости, читая за едой, сколько им вздумается, имеют двухколёсные велосипеды, путешествуют. И есть у него воображаемый конь. Призвать его надо особым свистом сквозь зубы. Можно вскочить на него и ехать в библиотеку, в лавочку, в булочную, но только соблюдая осторожность, чтобы встречные не угадали по походке, что он скачет верхом.

Ни с кем не делился он мистическим страхом темноты, населённой странными и недобрыми существами. На задних ногах входила ночью в комнату лошадь – привидение...

Никому он, не сочинивший ещё ни строчки, не доверил своей мечты, пожалуй, даже не мечты, а непоколебимого решения – стать писателем. Один только раз проговорился маме, но она признание его приняла недоверчиво: “Для этого нужен талант”. И он спрятал свою мечту на дне души.

И продолжавшийся мучительный страх за маму скрывал он от всех.

“Время роковое” (так определил в своём дневнике детство и юность Евгений Шварц) – время трудного взросления – пришлось на десять с небольшим лет майкопской жизни.

Майкоп – родина души

Отец, лишённый права жить и служить в губернских городах, выбрал местом обитания небольшой уездный город в предгорьях Северного Кавказа – Майкоп. Этот город, близкий к краю Российской империи, привлекал к себе представителей интеллигенции, предпочитавших избегать близкого общения с властями. Спустя десятилетия Шварц напишет о бытовой неукоренённости людей, попавших в Майкоп поневоле: “Им всё казалось, что живут они тут пока”.

В Майкопе происходило трудное, но одновременно счастливое взросление Евгения Шварца. Спустя полвека вспоминает он благословенный переезд туда семьи: “На родину моей души, в тот самый город, где я вырос таким, как есть. Всё, что было потом, развивало или приглушало то, что во мне зародилось в эти майкопские годы”.

Обыкновенный южный провинциальный город, утопающий в зелени в начале лета, тёплой зимой тонущий в непролазной грязи. А в жёлтом от зноя сентябрьском Майкопе подымался песчаный смерч до самого неба.

Город “несмирный”, где с камнями “край ходил на край”. Весёлый город, где свадьбы с пением шли по улицам. Вообще, по воспоминаниям Шварца, много пели в Майкопе...

Как-то его поразила мысль, что все жившие во времена его детства умерли. И он записал об этом в дневнике: “...и ни одной собаки майкопской, которую я тщательно приручал и приваживал, нет в живых...”

Память вызывала из небытия прошлое. Пережитое начинало воскресать день за днём, и явственно вставали перед глазами картины и события.

Городской сад над обрывом. Недалеко от главной аллеи – белая музыкальная раковина. Напротив – небольшой пьедестал. Говорят, на нём должны поставить солнечные часы. Солнечные часы так и не появились...

Театральный занавес в Пушкинском Доме. На нём – крупные, как виноград, морские брызги у ног Пушкина. Взрослые почему-то не одобряют эту копию с картины Айвазовского.

Папа в тунике и красной тоге на сцене Пушкинского Дома в спектакле по пьесе Герцля “Благо народа”. После окончания спектакля Женя вместе с залом хлопает, стучит ногами и кричит. Кричит, кажется, громче всех.

Нетерпеливое ожидание перед столом библиотекарши – какую книгу вынесет она из глубин хранилища?

Под тяжёлой от вишен ветвью прячется он с книгой на крыше сарая.

Поднятые мамой среди ночи, они с Валец, завернувшись в одеяло, босиком по кирпичному холодному тротуару бегут к соседям Соловьёвым. Над крышей их дома прыгает пламя.

Отряды городской самообороны собираются возле тех домов, где ждут погромщиков-черносотенцев.

В папином кабинете проходят собрания. Об этом приказано молчать.

На привычной дороге встречается Женя с одним знакомым деревом: “Я не могу объяснить теперь, чем оно так нравилось мне и каким образом я с ним подружился. Знаю только, что каждый раз я с ним здоровался и ласково гладил по коре, украдкой, чтобы никто не заметил”. Всё это вернётся к нему уже во взрослом возрасте в его долгих прогулках по Комарово.

Каждое лето выезжал он с родителями туда, где было море: Одесса, Сочи, Адлер, Анапа, Туапсе... Всегда тосковал по Майкопу, но на всю жизнь к этой тоске прибавилась и тоска по вечно праздничной морской пелене...

Удивительно, как Шварц смог запомнить многие десятки людей, прошедших через его майкопские детство и отрочество!

Помнил, как звали домовладельцев, у которых его семья снимала квартиры, помнил имена соседей, аптекаря, хозяина ролевого трека в городском саду, Валиных нянек, фельд-

шера из отцовской больницы, кучера, приехавшего поутру за отцом на линейке, хромого пианиста в синематографе, членов городской управы, артистов любительского театра, любимых и нелюбимых учителей, училищного сторожа, одноклассников, с которыми пробовал он дружить...

Первые пять лет в реальном училище считал “тёмным средневековьем” своей жизни.

Поутру вставал тяжело, ссорясь с мамой. Завтрак казался отвратительным, а бутылка молока, что мама клала ему в ранец, – позорной.

Мучительными были уроки арифметики – читал задачу несколько раз, не умея сосредоточиться, ничего не понимал и начинал решать её наугад. Даже молился сначала, но рубли не делились на аршины...

На уроках, связанных с общественными дисциплинами, любил говорить, но часто говорил глупости. Это возмущало его учителя Бернгарда Ивановича. Тот утверждал, что необходимая вообще-то самоуверенность у Шварца “переходит границы”.

Каждый раз, возвращаясь из Екатеринодара после очередного посещения родных, отец рассказывал, какой способный, воспитанный Тоня, как прекрасно учится, как декламирует стихи...

А у Жени в начальных классах годовые оценки – в основном тройки.

Он раздражал и учителей, и родителей. У них уже было решено, что из него “ничего не выйдет”. Мама в пылу воспитательных бесед могла сказать, всплыв: “Такие люди, как ты, вырастают неудачниками и кончают самоубийством”.

В нём странно уживались три состояния: согласие с родителями по поводу собственной никчёмности, чувство гордости от собственной исключительности – его, может, и правда ждёт самоубийство, и вера в то, что будет он знаменитым писателем и что случится в его жизни что-то очень хорошее, просто замечательное.

...Возрождение после тёмного средневековья наступало постепенно, начиная с пятого класса.

Вроде и оценки стали лучше, хотя ни к чему особого интереса он так и не проявлял. Вот уже и одноклассники принимают его в свою компанию. И на уроках, где это можно было себе позволить, Женя присоединяется к общему хору, произносящему печально: “Смысла в жизни нет”. Это, конечно, из области дуракаваляния, но, с другой стороны, какой в жизни смысл, если, как он недавно узнал, наша земля – просто пылинка в гигантской спирали Млечного Пути. (“Меня бранят, а я думаю: ‘Ах, какие это всё пустяки. Мы пылинки во Млечном Пути, чего же беспокоиться из-за пустяков?’”)

Однако ещё как беспокоился. “Нос причинял мне много мук. Особенно на холоде. И мне казалось, что презрительные взгляды встречных сосредоточились на моём носу. И я вечно проверял, в каком состоянии он”.

Отец постоянно Женю одергивал: не горбись, смотри уверенней.

Помогла самоуважению Евгения Шварца медленно созревшая в его жизни дружба.

Юрка Соколов и сестры Соловьёвы.

Познакомился он с Наташей, Лёлей и Варей Соловьёвыми ещё в далёком детстве. В их комнате стояла этажерка, на каждой полке которой жили куклы. Женя нетерпеливо ждал, когда девочек куда-то срочно позовёт их мама. И тогда он бросался к этажерке и (скорее! скорее! пока никто не обнаружил позорную для мальчика страсть!) играл в куклы. Это был его собственный театр.

Теплый соловьёвский дом с ладно устроенным бытом постепенно стал для Жени Шварца ближе родного. Юрка Соколов угадал: “У вас нет семьи. Поэтому ты ищешь её у нас или у Соловьёвых”.

Казалось бы, в семье Шварцев во всём главном родители всегда были заодно – и отец и мама не любили царя, участвовали в митинге под лозунгом “Долой самодержавие!”, помогали скраться человеку, за которым охотилась полиция.

Оба они любили Льва Толстого, были поражены известием об его уходе, способствовали устройству вечера его памяти. И отец и мама играли в спектаклях любительского театра на сцене майкопского Пушкинского Дома. Всё так.

Но дом их был неблагополучен: взрывной характер, приступы бешенства отца, его привычка к карточной игре, угрюмая тяжесть маминого взгляда, зачастую сердитая ирония по отношению друг к другу, неумение и нежелание прощать.

Однажды Женя услышал, как мама сказала: “Если бы я тебя не любила, то не беспокоилась бы так о тебе”. А папа ответил ей на это: “Пожалуйста, люби меня поменьше”. Жестокие слова.

(Евгений Шварц через годы запишет в дневнике, как уже в Ленинграде, перед войной, увидел он на Литейном идущих вместе родителей, “медленно, как на похоронах”. Отец к этому времени ослеп, мама шла, поддерживая его, чувствуя “всю горечь и значительность собственного своего положения”. И у сына сжалось сердце “от ужаса и жалости”.)

...На площади перед соловьёвским домом толпились возы с больными, приехавшими из станций на приём к доктору Василию Федоровичу Соловьёву (он тоже “числился неблагонадежным”). А в часы обеда перед домом, в саду, за столом под великолепным развесистым тутовым деревом располагалась большая соловьёвская семья. И всегда было место для Жени Шварца. На столе – любимые его пирожки с вишнями.

(КОТ из “Дракона”, провожая Ланцелота на бой, скажет: “...Если понадобится, кликни нас. Здесь в поклаже на спине ослика укрепляющие напитки, пирожки с вишнями, точило для меча, запасные наконечники для копья...”)

Осенью 1915-го из Москвы Евгений Шварц весело напишет в Майкоп: “Ужасно хочется видеть вас, Соловьёвых, и провести время в зале, у рояля, даже с риском быть придавленным подушкой и защекоченным насмерть”.

Девочек глубоко трогала музыка. Все они играли на фортепиано и пели.

Больше всего очаровывал Шварца Варин голос. Но она не поверила в свой талант, не стала развивать его. Причина тому, как с сожалением писал Шварц в дневнике, – “скромность, вбитая воспитанием, и провинциальная уверенность в том, что только боги горшки обжигают”.

Однако Варя и её учительница Мария Гавриловна Петрожицкая заметили Женину “музыкальность” (а Лев Борисович с раздражением говорил об отсутствии у сына слуха), и ему тоже в этом доме стали давать уроки музыки. У Шварцев инструмента не было, Варя усаживала Женю за соловьёвский рояль – мешала ему “вернуться в конюшню”, как много лет спустя будет иронизировать Корней Чуковский над его привычкой уклоняться от работы.

Музыка навсегда останется с Евгением Шварцем. В 1950-е, в комаровские зимние вечера, он будет ходить в Академический посёлок к математику и музыканту-любителю Владимиру Ивановичу Смирнову. Там играли в четыре руки Баха, Бетховена, Шуберта... Как-то по просьбе Шварца исполнили “Grillen” (“Капризы”) Шумана – эту музыкальную пьесу любила играть Лёля Соловьёва. На него “сразу пахнуло Майкопом”.

В ноябре 1953-го приедет в Ленинград Варя. Они не виделись почти сорок лет. Грустно, но она оказалась незнакомой, с резкими чертами лица, постаревшей и утомлённой. В дневнике Шварц запишет: “Я повез Варю домой, потом на дачу, изо всех сил с радостью пытаюсь разбудить рассеянного строгого врача квартирной помощи, напомнить ей, что ведь это я, Женя.

Иногда в притушенной душе всё угадывались смутно-смутно ранние черты, но также выступало настоящее”.

Варя сохранила его письма. В апреле 1917-го, когда, казалось бы, жизнь развела их, он ей писал: “Кто вас всех так ко мне привязал – чёрт знает, почему я вас люблю, не знаю”.

А что другие девочки-“соловьята”?

Старшая Наташа. В далеком детстве они с Женей даже дрались. Потом стали друзьями. Наталия Соловьёва (Григорьева по мужу) – автор воспоминаний “Мой друг Женя Шварц”. Он отдаст ей страницу в своей “Телефонной книжке”. Там напишет: “Соловьёвский дом и сад... вошли в мою душу навеки”.

Его ровесница Лёля. Как-то он решил в неё влюбиться. Кажется, одно время и она была тайно влюблена в Женю. Когда началась его безумная любовь к Милочке Крачковской, он тут же сообщил об этом Лёле. И она приняла его откровенность с грустью. И удивила всех тем, как прекрасно сыграла похоронный марш Шопена...

Елена Соловьёва, Лёля, сестрой милосердия погибнет на Гражданской. От рук белых или красных? – неизвестно. “Будто какая-то золотая страна там за облаками, которая манит и зовёт нас, а когда идём к ней, пропадает в тумане” – это из письма Лёли Соловьёвой отцу на фронт.

Воспоминание в письме о путешествии летом 1915 года через Кавказский хребет в Красную Поляну. Эти несколько дней в горах, как щедрый подарок, – опыт преодоления собственных слабостей и торжество дружбы. А ещё радость ощущения полноты жизни. В 1954-м Евгений Шварц запишет об этом в дневнике. Вот один из отпечатанных в его памяти эпизодов: “Труден был переход вброд горной речки. От ледяной воды схватывала судорога. А по ту сторону реки щипал траву табун без пастуха. Я подошёл поближе к нему, и табун весь как один поднял голову и насторожился. Я влез на высокий плоский камень и обратился к лошадям с речью. Они двинулись ко мне, осторожно, шаг за шагом. Слов у меня вскорости не хватило, и я стал плясать на камне”.

В этом путешествии последний раз вместе собралась их команда. Присоединилось и ещё несколько майкопских ребят. “Неробкий десяток” – так называл их Юрка Соколов.

Юрка Соколов умел брать на себя ответственность за других. По сути дела, стал он ведущим в этом трудном походе: “Юрка вёл нас, нащупывая дорожку в траве, как бы скользя, а мы за ним гуськом...”

А вообще, можно сказать, был он какое-то время ведущим и в жизни юного Евгения Шварца. Даже письма свои иногда шутливо подписывал: “Воспитатель Юрий”.

Юрка Соколов на год старше Жени Шварца. Их дружба завязалась в то лето, когда Женя переходил в шестой класс, – “дружба, изменившая и определившая очень многое в моей жизни”. Юрка относился к тем сильным людям, “у которых чужая слабость не вызывает желания кусать и убивать”.

Юрка внушал уважение своей сдержанностью, серьёзностью. Начиная говорить, замолкал, “пока мысль не находила наиболее точного выражения”. Шварц читал ему свои стихи. Обижался, если он высказывался о них критично, отчаянно, однако не слишком уверенно спорил, а когда затухала обида, полностью с ним соглашался. Они много друг с другом “разговаривали о том мире, в который входили”.

Так было в Майкопе, продолжилось в Петрограде. В 1914-м Юрий Соколов, талантливый художник, решил оставить естественный факультет университета и поступать в Академию художеств. Евгений Шварц приехал в Петроград навестить своих друзей. Юрка знакомил его с этим городом, который через несколько лет станет для Шварца своим.

В Румянцевском садике возле Академии, опустившись на скамейку, продолжали они свой нескончаемый разговор – “открывали и называли весь мир заново и друг друга в том числе...”.

В 1947 году Евгений Шварц оставит в дневнике такую запись: “Я пошёл в сквер возле Академии художеств. Сел на скамейку против той, ныне отсутствующей, на которой тридцать три года назад сидели я и Юрка Соколов... Что, если тридцать три года назад я увидел бы себя теперешним, себя 47-го года, сидящего напротив? Или точнее – я, восемнадцатилетний, и я, пятидесятилетний, сидим друг против друга”.

Евгений Львович Шварц, известный драматург и писатель, казалось бы лёгкий и весёлый человек, окружённый многими людьми, запишет в дневнике: “Друзей у меня нет. Мой первый и лучший друг – Юрка Соколов – пропал без вести, очевидно, погиб ещё в конце той войны, войны 14-го года. До сих пор я вижу во сне, что он жив, и радуюсь, что на этот раз это уж не сон, а, слава богу, правда... Во сне я говорю ему при встрече: ‘Сколько раз мне снилось, что ты жив, – и вот наконец мы и в самом деле встретились!’”

В воображении продолжались с ним нескончаемые разговоры. О музыке, о том, как действует она на людей.

Вспомнилось, как Юрка сказал: “...Когда слушаешь музыку, то исчезает всё безобразное, что есть в отношении к женщине”. Они говорили и об отношении полов. Говорили в общем, но о собственных переживаниях в этой области целомудренно молчали.

Только спустя десятилетия доверит Евгений Шварц дневнику ту мучительную историю, что пережил он в свои неполные 15 лет. Приказав себе писать в дневнике только правду, в 1952 году расскажет на его страницах, как бесстыдная барынька сделала его своим любовником. Он презирал её, считал существом грязным. Ему казалось, что он знает теперь о женщинах всё.

Однако “вместе с тем считал, что гимназистки, в частности девочки Соловьёвы, устроены-то иначе. А уж о Милочке и говорить нечего”.

Милочка Крачковская – его ровесница, с огромными серо-голубыми глазами и светящимся ореолом каштановых волос, в гимназическом синем платье, две косы, лежащие на спине, неразговорчивая и строгая. Он любовался ею с благоговением.

Его беспредельная почтительность перед ней сравнима была с религиозной. “В Милочке заключалась для меня поэзия. Может быть, и набожность прежних дней целиком ушла в чувства к ней”.

Такое душевное напряжение и восхищало, и мучило его несколько лет.

Назначить свидание? Об этом страшно было даже мечтать. Нет, этого он не смел. Просто бегал по улицам, искал случайной встречи. И любил её “из-за всех сил”.

Перестал опаздывать на уроки, ведь она никогда не опаздывала, и он научился рассчитывать время, чтобы оказаться у неё на пути, когда она шла в гимназию.

Робел, долго не решался заговорить. Не скоро осмелился взять её за руку.

Поцеловать? – сама мысль об этом приводила его в ужас.

В июне 1952-го Евгений Шварц расскажет в дневнике свою историю 1912 года с неудавшимся поцелуем. И, как про день, отмеченный в календаре, напишет: “Я вспоминаю, что ровно сорок лет назад, 8 июня по старому стилю, я объяснился в любви Милочке”.

И вот она уже стала ласково обращаться к нему на “ты”, согласилась пойти вместе гулять в городской сад. Там он осмелился качаться с ней на качелях.

Вот она разрешила держать её за руку, обнять за плечи, осторожно дотронуться губами до её губ. Иногда склоняла голову ему на плечо. Он испытывал “счастье, доходящее до печали”.

Кажется, она становилась мягче. Но запрещала говорить с ней о любви.

А он только об этом и говорил. Бесконечно требовал от неё ответа на вопрос, как она к нему относится. Мучился от ревности. Мучил её. Любил её, как потом сформулирует в дневнике, “свирепо”.

Характерной чертой его чувства к Милочке была “полная утрата масштабов. Каждая мелочь, каждое слово Милочки, каждая интонация переживались как настоящее счастье или как настоящее горе”.

Он замечал её недостатки: в искусстве она порой не видит то, что доступно им с Юркой и Варей, на рояле играет хуже девочек Соловьёвых, случалось – говорит нелепости. Но любовь его это не уменьшало, только добавляло к любви боли.

Московская тоска

Весной 1913 года Евгений Шварц получил аттестат об окончании реального училища.

Наташа и Лёля Соловьёвы собирались в Петербург, на курсы. Юрка был уже там – поступил в университет. А Шварц по собственной бездеятельности отдал решение своей судьбы на откуп родителям. Согласился на юридический факультет и поехал в Москву слушать лекции в Народном университете Шанявского.

В 1913 году провел в Москве один семестр, “посещая, точнее не посещая, Университет” (“Я не имел ни малейшей склонности к юридическим наукам и чем ближе их узнавал, тем более ненавидел”). Предпочитал пережидать окончание лекций на уютном диванчике в холле, за колоннами. А потом и вовсе перестал заглядывать в здание на Миусской площади.

Родители, отправляя семнадцатилетнего сына в Москву, полагали всё-таки, что он уже почти взрослый.

Никто не говорил ему: вставай, опоздаешь, пора подстричься или иди обедать. Спал до двенадцати, а то и до часа. Ужасно оброс. На обед покупал колбасу и плитку шоколада, выданные родителями деньги бездумно растратил. Вечерами бродил по улицам. Давал себе обещание завтра же начать новую жизнь. Но завтра начиналось то же самое.

Оглядываясь назад, Шварц объективно оценит ситуацию. “Непривыкший к систематическому труду, изнеженный мечтательностью, избалованный доброжелательными и терпеливыми друзьями, югом, маленьким городом, где половину прохожих я знал если не по имени, то в лицо, я оказался один... в сердитой Москве”. Здесь он был всем безразличен. Милочка не отвечала на письма. Его одолевала тоска.

С отвращением и стыдом расскажет Евгений Шварц в дневнике о своем посещении публичного дома. Он презирал себя, чувствовал, что Москва его убивает.

Отправил маме умоляющее письмо с просьбой разрешить ему хоть на зимние каникулы вернуться в Майкоп.

Мама, встретив его на вокзале, испугалась: “...Волосы чуть не до плеч, штаны с бахромой, ступает как-то странно, мягко. Что такое? Оказывается, башмаки без каблуков и почти без подошв – вернулся сын из Москвы”.

Решено было оставить его дома ещё на полгода – пусть взрослеет, учит латынь, чтобы можно было поступить в настоящий университет – Московский Императорский.

О возвращении в Москву он и думать не хотел. Но сопротивляться родительской воле не осмелился.

Итак, через несколько месяцев – снова в Москву. В ту, о которой не вспоминал иначе как с ужасом. В Москву поехал и Тоня. Вместе поступали, вместе снимали комнату за Тверской, в Дегтярном переулке.

Но оказалось, что жить вместе они не умеют. Только со временем научатся обходить углы – лучше чувствовать друг друга.

И снова Шварц возненавидел юридический факультет, на сей раз Московского университета, его старательных студентов, его профессоров: “Дисциплины ваши не то что противоречат, а несоизмеримы всему моему миру”.

Никто особенно не интересовался, как часто он бывал в университете, и он там почти не появлялся. Шварц пытался учиться, но это получалось у него всё хуже.

В сентябре 1914 года он неожиданно прыгнул в поезд на Николаевском вокзале и уехал в Петроград, где теперь жила Милочка. У неё были именины. Он купил хризантемы – других цветов во время войны в продаже не было. Всё закончилось скандалом: в пылу ссоры он растоптал букет. Милочка тогда тихо сказала: “Вот так у нас и будет. Всё, что ты мне отдаёшь, ты

потом растопчешь”. А он в те дни страшно ревновал её, чувствовал, что она отдалилась, что между ними выросло нечто неодолимое.

Во время следующего приезда он увидел в её доме юнкера Третьякова, который явно за ней ухаживал. Но самое тяжёлое произошло на следующий день. Накануне он стоял под её окнами, зная, что там юнкер. А утром пришёл, когда Милочки не было дома. Хозяйка впустила его в её комнату. Там он увидел дневник и начал читать. В нём Милочка писала, что рада приезду Жени, но главное, что она влюблена в юнкера и никак не может понять причину его застенчивости. Шварц-то прекрасно знал, что его соперник догадывается, какую роль играл когда-то в её жизни майкопский юноша.

Он выбежал из дома, долго бродил вокруг каналов, а потом, сдержавшись, сказал ей (не выдав, что читал дневник), что понял её настоящие чувства и что им нужно расстаться навсегда. Милочка молчала в ответ.

После этого Шварц решил идти добровольцем на войну. И как только принял это решение, заметил, что “мир, потерявший цвет, ласковость, таинственность, стал понемногу как бы приходить в чувство”. К тому же “уход на войну одним ударом разрубал запутавшийся узел... университетских дел”. И облегчал вину перед теми, кто на фронте каждый день рисковал жизнью.

Однако его остановила телеграмма отца: “Запрещаю как несовершеннолетнему поступать добровольцем”.

Примчалась в Москву мама. Между ними давно была утрачена близость, и это мешало их общению. Мама, как всегда, сокрушалась. Она написала отцу, что Женя опять ничего не делает, ничем не интересуется. У неё даже, оказывается, мелькнула мысль – не лучше ли и в самом деле ему пойти на войну?

В 1952-м Евгений Шварц оставит в дневнике такую запись: “Теперь мне кажется, что она была права. Но она не решилась, не посмела отправить меня в эту жестокую школу. И уехала”.

Заканчивался учебный год. Предстояли два экзамена: история философии права и римское право. Второй экзамен никак не давался. Евгений скаламбурил в телеграмме домой: “Римское право умирает, но не сдаётся”.

Историю философии права с грехом пополам осилил. Этого было достаточно, чтобы перейти на 2-й курс и с чистой совестью уехать на каникулы. Будет лето 1915-го. На всю жизнь запомнится поход с друзьями через Кавказский перевал.

И снова ненавистная Москва.

Евгений Шварц твердо знал: юридические науки не имеют к нему никакого отношения.

Москва так и не стала добрее. Всё в ней оставалось чужим и унылым: Миусская площадь, Серпуховская, Тверская, Охотный Ряд, Владимиро-Долгоруковская улица, Малая Бронная, паутина переулков... Теперь ещё Замоскворечье, 3-й Павловский, Филипповский...

Трамваи, которые в отличие от майкопских имеют разные номера, разбегаются по разным маршрутам. Маленькие лавочки, киношки, пивные, хриплые голоса проституток.

И всюду грязь, грязь...

Нет, дом Пашкова на холме был прекрасен. Полюбил Шварц и Третьяковскую галерею. Ходил туда, когда душила тоска. Собор Василия Блаженного “разбудил ненадолго”.

За эти три года случались и особенно яркие впечатления.

Как-то бродил по Кремлю. Неожиданно почти столкнулся с Шаляпиным, который в те дни снимался в фильме “Царь Иван Васильевич Грозный” по драме Л. Мея (“Священный трепет, майкопский благоговейный ужас охватил меня”).

Попал во МХАТе на “Вишнёвый сад”. В роли Епиходова – Михаил Чехов (“С удивлением подумал: ‘Так вот, значит, как можно играть?’”).

Оказался в Политехническом музее на вечере футуристов. Поразил Маяковский (“...был весел. Играл. Не актерски играл, а от избытка сил”).

И всё же писал Евгений Шварц Лёле и Варе Соловьёвым (Наташа, закончив медицинские курсы, работала в Москве, в лазарете): “Здесь холодно, даже очень холодно и скверно... Когда цветок оторвешь от родной почвы – от умирает. Шлите же, шлите мне майкопское эхо с местной жизнью...” (имелась в виду газета “Майкопское эхо” с разделом “Местная жизнь”).

Наконец: “Последний экзамен у меня 8-го мая, и потом удираю”.

Из чужой Москвы рвался домой. Теперь его дом был в Екатеринодаре – родители переехали туда. Они с грустью ждали непутёвого сына, с тревогой думали о его будущем.

Он по возрасту ожидал призыва.

Любовь к Милочке Кричевской постепенно перегорит, но она будет продолжать сниться ему во сне. Эта любовь, как он признавался себе, научила его “считать праздник обыкновенным состоянием человека”. В свой 60-й день рождения он записал в дневнике: “Сейчас, когда я вспоминаю те годы, они представляются залитыми таким светом, что он и сейчас горит. Я в 60 лет вижу Майкоп, брожу по тем же улицам. Два человека – Юрка Соколов и Милочка – вот от кого зависел мой рост тогда и вся моя жизнь в дальнейшем”.

...Последний раз приедет он в Майкоп к друзьям-“соловьятам” в 1916-м, на Рождество. Город становился другим, “даже аллеи в городском саду обвалились, подмытые рекой”.

Где был Евгений Шварц во время Гражданской войны?

К сожалению, почти во всех биографических статьях о Шварце повторяются одни и те же непроверенные сведения. Говорится, что во время Гражданской войны он служил в Добровольческой армии, участвовал в знаменитом Ледяном походе Корнилова, был контужен, вследствие чего и получил тремор рук. Где же документы, на которые опираются эти утверждения?

В 1991 году Е. М. Биневич и Л. В. Поликовская выпустили первый свод материалов к биографии – “Житие сказочника Евгения Шварца”. Там, в комментариях к воспоминаниям Николая Чуковского, действительно сказано, что Евгений Шварц “участвовал в Ледяном походе” и что об этом сообщили составителям книги “близкие друзья Шварца – И. Березарк и В. Соловьёва”. Но, во-первых, они в то время не были рядом со Шварцем, а во-вторых, информация об этом сообщении документально так и не была подтверждена.

Спустя почти два десятка лет, в 2008-м, в книге “Евгений Шварц. Хроника жизни” Е. М. Биневич от своей предыдущей версии отказался: “Ответа на вопрос, как Евгению Шварцу удалось освободиться от армейской службы, нет”.

Попробуем предложить обзор доступных нам документов, отражающих жизнь Шварца этого периода.

Документы: письма к сестрам Соловьёвым; “Послужной список прапорщика военной пехоты Евгения Шварца”, сохранившийся в Государственном военно-историческом архиве; воспоминания Наталии Григорьевой (Соловьёвой), а также документальные данные, представленные в исследованиях по истории Гражданской войны.

Прежде всего обратим внимание на записанное Евгением Биневичем в апреле 1973 года воспоминание Наталии Васильевны Соловьёвой (Григорьевой), свидетеля детства и юности Шварца: “Руки у Жени стали дрожать лет с 17–18. У его отца дрожали руки. Но как только он брал в руки скрипку, всё было в порядке”. (Правда, ссылка на отца вызывает вопрос: ладно, скрипка, а скальпель? Он же был хирургом?)

Далее по хронологии.

Лев Борисович Шварц по воинской повинности был приписан к Екатеринодару, где жил до поступления в Казанский университет. Шла Первая мировая. Его призвали и назначили ординатором в Екатеринодарскую войсковую больницу. Родители Льва Шварца давно уже умерли. Он поселился с семьёй у младшего брата, Александра Борисовича. Весной 1916 года приехал сюда и Евгений Шварц.

Понимал, что неизбежна мобилизация.

В мае 1916-го он в письме к Варе в Майкоп обсуждает планы её и своей дальнейшей жизни (“если не буду взят в солдаты”), рассказывает о посещении суда, о том, что неожиданно привлекательной показалась ему деятельность адвоката. Не потому ли, что брат отца Александр, юрист по образованию, служил адвокатом в городском суде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.